

ИТАК, ТРУПА «Метрополитен-опера» — 250 певцов и танцоров, 100 музыкантов и 125 рабочих сцены — настойчиво требует увеличения заработной платы и оплаты расходов по переездам во время гастролей, установления пенсионной системы и улучшения условий творческого труда. Администрация же соглашается лишь на некоторые заплаты на тришкином кафтане, не более. «Они скорее жертвуют в сезон, чем пойдут на наши требования», — говорит адвокат актеров Грей. Пока что события подтверждают его слова.

Однако и сама администрация находится далеко не в мажорном настроении. Прошлый сезон «Мет» дал дефицит в три с половиной миллиона долларов. Долг актерам, образовавшийся с прошлого июня, который администрация отказывается платить, составляет два миллиона. На сегодняшний день убытки оперы в связи с отсрочкой начала нового сезона уже достигли 3,25 миллиона. (Сюда не входят убытки от простоя оперного кафе, «Гранд-ресторана» и ресторана «Крыша», которые подкармливали не столько клиентов, сколько саму «Мет»). В случае удовлетворения требований актеров дефицит «Метрополитен-опера» будет выражаться к сезону 1972/73 года в сумме 6—7 миллионов долларов.

Где же выход из этого заколдованного круга? Как найти решение, которое удовлетворило бы одновременно и театральную общественность, то есть публику, и актеров, и администрацию? О поднятии цен на билеты сейчас никто и заикаться не смеет. Они и без того выросли до критических размеров. Посещение «Мет» все больше превращается из эстетической необходимости в непозволительно роскошное. Соответственно сужается и оперная аудитория. Прогулываясь в антрактах по коридорам «Мет», наткнешься, как правило, на один и те же лица. Даже галерка цинично теряет свой традиционно демократический характер.

Остается два выхода: бить челом перед меценатами или требовать увеличения государственных субсидий.

«Мы с грустью вспоминаем о том времени, когда здесь господствовал снобизм, когда какой-нибудь богатей садился и выписывал чек, покрывающий все наши расходы», — вспоминает с печальными нотками в голосе певец Макнейл. Неужели с тех пор богатыи вывелись в Соединенных Штатах? Если обратиться к статистике журнала «Форчун», любящего считать чужие деньги, то количество миллиардеров и миллионеров в Америке значительно возросло за 85 сезонов существования «Метрополитен-опера». И сподобма у них ничуть не поубавилось. Так в чем же дело?

В центральном холле «Мет» сразу при входе высится массивная стена из белого мрамора. На ней золотыми буквами выбито: «Покровители «Линкольн-центра». Далее также в золоте следует длинный список этих самых покровителей. Читается он, словно биржевой бюллетень, регулярно публикуемый в «Уолл-стрит джорнэл» или «Нью-Йорк таймс». Во главе его идут имена Рокфеллера, Форда и Моргана. Далее следуют «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», «Бетлхем стил корпорейшн», «Стандарт ойл оф Калифорния» и так далее. Короче, речь идет не столько о покровителях «Линкольн-центра», сколько о хозяевах всей Америки; не о бутылочных королях вроде тех, что из «Айды», а о реальных королях угля и стали, нефти и банковского дела.

Будучи профаном в математике и ничего не смысли в бесконечно малых величинах, я тем не менее берусь утверждать, что даже бесконечно малой толлики доходов господ и корпораций, имена которых выбиты золотом на мраморе в центральном холле «Мет», депонированных в кассу оперы, было бы достаточно, чтобы разрешить все ее финансовые затруднения. Да что там малая толлика доходов! Даже малой толлики утаенных от государства налогов вполне хватило бы для поддержания музыкальной жизни в стенах «Метрополитен-опера». Но факт остается фактом: никто из «покровителей» и не подумал раскрыть свой кошелек, чтобы помочь «Мет» открыть свой сезон.

— В старое доброе время господжа Вандерлип или госпожа Маллон, заставили бы жажущих хрустальные люстры «Метрополитен-опера» хотя бы лишь только для того, чтобы по-

сланием к государственному прокурору Лефковичу с просьбой «расследовать и раскрыть все детали дела, относящегося к экономической структуре и политике расходов оперы». Показательно, что речь идет именно о той группе музыкальных деятелей, которые в 1967 году пытались спасти старую «Метрополитен-оперу». Их попытки оказались тщетными. По-видимому, столь же тщетными будут и их усилия разобраться в многообразной бухгалтерии благотворительных фондов, не облагаемых налогами.

Так или иначе, по сути дела это несколько не меняет. Главное в том, что старая система меценатского подхода к искусству пришла в противоречие с современностью. Во-первых, искусство стало массовым: во-вторых, оно превратилось в бизнес. Одно дело купить разовый куш из утаенных налогов на строительство «Линкольн-центра»,

кротство. Проблема эта выглядит неразрешимой». С анализом Шенберга вполне можно согласиться, внеся в него одно важное уточнение: война во Вьетнаме и инфляция не причина зловещих «культурных антреприз», а повод. Их изначальная причина — капиталистическая система, порождающая и агрессивные войны, и инфляцию, и упадок культуры.

Могут сказать, что оперное искусство никогда не было самой сильной стороной музыкальной жизни Америки, не имело глубоких традиций и широкой популярности. В определенной степени так оно и есть. Но давайте возьмем симфоническую музыку, популярность которой в Соединенных Штатах не подлежит никакому сомнению. Что же происходит в этой области? По словам того же Шенберга, для симфонических оркестров в США будущее настолько угрожающее, что маленькие коллективы оказались перед выбором: или самоликвидироваться, или слиться с другими, подобными себе. Так, уже ведутся переговоры о возможном слиянии симфонических оркестров Буффало и Рочестера, Цинцинати и Индианаполиса и некоторых других.

Эти шаги диктуются отнюдь не творческими соображениями. Их подоплека исключительно экономическая — надо выжить. Здесь я спешу оговориться. Речь как-никак идет об Америке, и было бы пошло и неверно представлять себе, что всем музыкантам и артистам грозит голодная смерть, грозит перспектива пиликать на скрипках по подворотням и просить милостыню... Но холодное дыхание неуверенности обдает даже «Большую пятерку» — симфонические оркестры Бостона, Филадельфии, Нью-Йорка, Чикаго и Кливленда. Эти всемирно прославленные ансамбли, конечно, не помышляют о слиянии. До такого дела еще не дошло. Но они уже поговаривают о «кооперации». Представители «Большой пятерки» начали проведение взаимных консультаций, чтобы выработать совместную линию поведения перед лицом падающей угрозы. А она весьма существенна. Так, по сравнению с сезоном 1963/64 года расходы «Большой пятерки» выросли на 50 процентов, а доходы — лишь на 44 процента. Ежегодный дефицит колеблется от полутора миллиона до полутора миллионов долларов. Ожидают, что к сезону 1971/72 года он составит восемь миллионов долларов для всей «Большой пятерки», вместе взятой.

Восемь миллионов долларов — цена трех военных вертолетов. Согласно элементарной арифметике, если бы конгресс США жертвовал тремя вертолетами ради симфонической музыки и двумя вертолетами ради «Метрополитен-опера», то все было бы о'кей. Но, кроме элементарной арифметики, существует и политическая алгебра, а кроме обязательного совета искусств в Вашингтоне, — Пентагон во главе с Лейбродом. Когда пушки говорят, музам долженоветствовать помаленьку. Вот почему пять вертолетов важнее пяти выдающихся симфонических оркестров и знаменитой «Метрополитен-опера» в придачу.

Горят кровавым заревом джунгли далекого Вьетнама, поливаемые напалмом с вертолетов. А здесь, в Нью-Йорке, в центральном холле «Мет», по-прежнему темно. Погасшие гигантские кристаллические люстры, похожие не то на снежинки, увеличенные в миллионы раз, не то на модели замысловатых молекул, безжизненно свисают с потолка. И только мраморная стена светится золотыми буквами «покровителей «Линкольн-центра» — перечень королей нефти и стали, банков и бомб; хозяев и заправил военно-промышленного комплекса.

НЬЮ-ЙОРК, декабрь.

ПОГАСШИЕ ЛЮСТРЫ «МЕТРОПОЛИТЕН-ОПЕРА»

М. СТУРА

казать светскому обществу свои новые туалеты и бриллианты. Сейчас не то... — саркастически заметил по этому поводу один нью-йоркский театралный критик.

«Покровители «Линкольн-центра», скинувшись, помогли Нью-Йорку построить замечательный культурный комплекс. Это им ровно ничего не стоило. Деньги шли через благотворительные фонды, то есть, по существу, они принадлежали государству, а не корпорациям. Простое, вместо того, чтобы заплата кассе палаты, «покровители» перевели их через каналы своих филантропических фондов на создание «Линкольн-центра», включая новое здание «Метрополитен-опера». То было недурное помещение капитала в рекламу — мраморная стена и золотые буквы служат первоклассным паблисити.

Но мраморная стена и золотые буквы, усаждая взор «покровителей», ничего не дают «покровительству». Филантроп сделал свое дело — филантроп может уйти. А кто же будет тянуть рутину «Мет» с ежегодным бюджетом в двадцать миллионов долларов? «Метрополитен-опера» — не исключение. Нью-Йорк буквально стоит от данных даров меценатов. Один из них, чтобы увековечить свое имя, дарит городу целую систему фонтанов. А затем городские власти начинают ломать себе голову над изысканием средств для их поддержания. Ведь фонтаны должны бить, не так ли? Другой меценат преподносит своим ничего не подозревающим согражданам бесценнейший архитектурно-скульптурный ансамбль или картинную галерею, или музей. И опять городским властям приходится колдовать над бюджетом. А колдовство это, как правило, оканчивается очередным повышением налогов.

В случае с «Мет» дело осложняется еще и тем, что имеется сильное подозрение в «переводном» распоряжении фондами, получаемыми от почитателей. Группа видных музыкальных деятелей во главе с дирижером Леопольдом Стоковым обратилась со специальным по-

другое дело регулярно финансировать его, тратя на это десятки миллионов долларов ежегодно. Ведь опера не кино. Она чаще дает дефицит, чем прибыль. Ее прибыли скорее эстетическая, чем денежная. А современных меценатов эстетика мало интересует.

Меценаты отнеслись к «Мет», как родители, давшие жизнь своему дитяте, а затем подбросившие его к порогу чужого дома. А «чужой дом» — государство — обращается с ведущей оперой Америки, как с неудобным и обременительным паиньком. Что же говорить о других операх страны, где положение музыкантов и артистов еще более тяжелое, по сравнению с которыми бунтующий коллектив «Мет» находится в привилегированном положении и живет как у бога за пазухой? Знаменательная деталь: в США нет ни так называемого министерства изящных искусств, ни даже совета искусства, как, например, в Англии. В недалеком прошлом подобный совет существовал в Вашингтоне. Но его глава Роджер Стивенс подал в отставку вместе со всей джонсоновской администрацией. С тех пор — уже около года! — никто не удостоился найти ему замену. Впрочем, когда такового найдут, то он найдет в своей кассе лишь семь миллионов долларов. Это все, на что расщедрился конгресс по новому бюджету для почитателя прекрасных муз! Для сравнения укажем, что Австрия с населением в семь с половиной миллионов человек, то есть меньше, чем население одного Нью-Йорка, отнуждает по государственному бюджету только на содержание своих театров двадцать миллионов долларов.

В чем же дело? По справедливому ведущему музыкального критика страны Гарольда Шенберга, корни зловещих «следует искать во вьетнамской войне, которая породила инфляцию и повернула денежные ассигнования с культурных антреприз на военные. Культурным организациям грозит мрачное будущее: рост стоимости жизни, падение доходов, растянутые до изнурения сезоны и в потенции — бан-